

годы до 953 тысяч пудов в восьмидесятые (в 1890-1895 годы ежегодно через Кяхту проходило в Россию по 1200 тысяч пудов), сокращалась, составляя в пятидесятые годы 93,6 процента, в начале шестидесятых – 72 процента и в восьмидесятые годы – 51 процент.

При падении в импорте доли шелка и хлопчатобумажных тканей, при явном увеличении доли отечественных товаров в экспорте ввоз чая в 1800-1840-е годы увеличился в 5,2 раза, а его доля в импорте уже в 1825 году составляла 90 процентов. Две трети ввозимого через Кяхту чая составлял байховый, дорогих сортов, находивший сбыт в России и крупных городах, и треть приходилась на прессованную чайную крошку, так называемый кирпичный чай, употребляемый в Средней Азии и Сибири.

Развитию торговли способствовали урегулировавший пограничные споры российско-китайский «Международный протокол» 1792 года, строительство крупно-байкальского торгового тракта через Тункинские горы, понижение пошлин тарифом 1800 года. Были разработаны и утверждены положения о торговле в Кяхте и инструкции кяхтинской таможне и компаньоне, торговавшим в слободе от имени российских и сибирских купцов.

Интересно проследить изменение доли чая в общем товарообороте кяхтинской торговли начала XX века: при общем ежегодном ввозе в страну 2 млн. пудов чая, через Иркутскую таможню проходило около 800 тысяч пудов кирпичного чая, который ввозился «исключительно через Кяхту».

Кяхтинская торговля подняла спрос на производство целого ряда российских товаров, а потому содействовала укреплению и улучшению сукноделия, выделке кож и мехов, требовала улучшения дорог.

По этому пути некогда кипела жизнь: процветали города, торговые контакты способствовали взаимопониманию и взаимообогащению культур народов России, Монголии и Китая. Но чайный путь не был частным делом только этих государств. Им пользовались и европейские купцы. Даниэль Дефо в одном из своих романов отправил своего героя Робинзона Крузо в путешествие по чайному пути через Сибирь.

Купец Михаил Андреевич Зензинов говорил: «...трудно было выбрать место более неудобное, где стоит наша богатая Кяхта и торговый городок Маймачин. Кругом голая безлесая степь, без воды, но скопление капиталов с Руси и Китая оживило эту степь, могущество торговли ... создало своего рода чудо. Кяхта и Маймачин, как прекрасный оазис среди безводной и пустынной степи, полны жизни, движения и довольства, полны богатства... Деятельность и движение были невиданные».

Сибиряки знали, что в Кяхте только ленивый не может разжиться, а потому место это манило многих дельных, предприимчивых и честолюбивых.

Часть 2. Чаеоторговцы.

Первое время Троицкосавск и Кяхта состояли исключительно из солдат, офицеров, казаков, охранявших границу. Купцы приезжали лишь на время торгов. Торговля, будучи новым делом, некоторое время еще не давала особой прибыли. Кроме того, сказывалась монополизация государством продажи в Китай самого выгодного тогда товара – пушнины. После «добровольно-принудительного» переселения до ста семей и отмены в 1762 году казенной монополии на китайский торг здесь появляется оседлое население. В 1767 году число записанных в гильдейское купечество по Кяхте составило 299 душ мужского пола. А это ни мало – полтора процента от всего сибирского купечества. По данным 1808-1809 годов в Кяхте торговали шестьдесят «первостатейных» купцов, их комиссионеров и приказчиков. Были представлены шестнадцать российских и сибирских городов: Иркутск – двадцать человек, Верхнеудинск – девять, Калуга, Томск и Великий Устюг – по четыре, Вологда и Тобольск – по три, Москва и Нежин – по два, Тотьма, Сольвычегодск, Холмогоры, Курск, Казань, Тара и Селенгинск – по одному.

Окончательно сложившийся к началу 19 века чайный путь привел к тому, что слобода больше стала походить не на населенный пункт, а на торговую факторию. В ней проживали только купцы и их приказчики, в конце семидесятых годов 18 века, когда торговля перешла в руки наиболее богатых купцов, «разного звания люди», не принимавшие участия в оптовой торговле, были выселены в Троицкосавск.

К середине 19 века Троицкосавск, Кяхта и Усть-Кяхта, оставаясь самостоятельными, по сути, слились в один населенный пункт. В 1851 году их объединили в единое градоначальство с населением в 7776 человек. Из них в торговой слободе проживали 594. Это были купцы, приказчики и их семьи. По удельному весу купечества Кяхта была самым торгующим городом не только Сибири, но и России. В 1828 году 38 мужских душ купечества объявили капитал по первой гильдии в 200 тысяч рублей, по третьей гильдии – 128 тысяч рублей. Стабильности в объявленных капиталах, как и в делах, не существовало. Поэтому в 1829 году капиталов было объявлено на восемь тысяч рублей меньше. В 1840 году здесь проживало шесть мужчин, имеющих звание потомственного почетного гражданина, 32 купца первой гильдии. С середины 1810 годов до начала 50-х годов число купеческих семей выросло с 17 до 43. В 1850-1860 годах, когда торговый оборот Кяхты-Троицкосавска составлял более 30 миллионов рублей в год, и в обоих пунктах проживало в 960 домах 5430 человек, здесь было официально зарегистрировано 58 торговых фирм. В 1862 году в торговой слободе было 276 купцов и 165 торговых лавок.

Несмотря на то, что о кяхтинцах, имевших большие торговые обороты, достаточно много написано, большей частью это несистематизированная, поверхностная информация. Исключение, может быть, составляют Лушниковы, тепло принимавшие путешественников и ссыльных, и Сабашниковы, родившие приумножавших книжный мир издателей. Потому они больше известны, не как коммерсанты, предприниматели, известные чаоторговцы, а как «прогрессивно мыслящие», связанные с диссидентами и потому «передовые» люди своего времени в Кяхте. Достаточно хорошо были известны даже в советское время, когда купечеству не уделялось много внимания, такие прогрессивные деятели старой Кяхты, как Игумновы, Носковы, Сеницыны. Целый ряд деятелей 19 века стали известны в связи с изучением культуры Забайкалья. Это Шевелевы, Корнаковы, Старцевы, Коквины и некоторые другие фамилии. Практически неизвестными долгое время оставались богатые и авторитетные кяхтинцы: Немчиновы, Швецовы, Корзухины, Осокины, Котельниковы, Молчановы, Собенниковы и другие. Огромными состояниями и деловыми связями были известны Немчиновы, Швецовы, Нерпины, Ременниковы, Токмаковы, Басовы, Кандинские.

Кяхтинское и троичкосавское купечество по своему происхождению больше было не местным, а «иностранцами», в него временно записывалось купечество сибирских и российских городов. Кроме того, жесткая конкуренция приводила к тому, что состав кяхтинского купечества постоянно менялся, обновлялся. Капиталы у кяхтинцев, благодаря высокой активности, деятельности, ну и, конечно же, благодаря особому положению, складывались удивительно быстро. Буквально за год купцы поднимались от третьей до первой гильдии. Так еще в 1814 году Ефим Андреевич Шаньгин, Алексей Прокопьевич Осинин, Дмитрий Иванович Пятидесятников были записаны по третьей гильдии. В 1916 году мы находим их уже в списках кяхтинской ратуши в числе первогильдейцев.

О них и нескольких десятках похожих на них писал журнал «Сибирский архив»: «купец возвращается домой только после продолжительного путешествия. Например, он выезжает из Москвы весной, летом приезжает на Макарьевскую ярмарку, к началу года на Ирбитскую. В Макарьеве купец старается обменять некоторые свои товары на такие предметы, которые могут ему принести в Ирбите большие барыши. В Ирбите купец, напротив, руководится интересами своей торговли с Китаем. Если у него остались кой-какие товары, на удачный сбыт которых он рассчитывает, то он старается продать их зимой в Тобольске. Весной купец, уезжая оттуда, торгует по всей Сибири, и осенью прибывает в Иркутск; если же ему случается задержаться из-за льда, то он неукоснительно попадает туда к началу зимы. Затем он

отправляется в Кяхту. Следующей весной же едет в Якутск; оттуда он пытается вернуться еще водой...»

Если присмотреться к Кяхте конца 30-х – начала 40-х годов 19 века, мы увидим, что список иногородних купцов, торгующих на Кяхте более десяти лет, состоит из представителей 32 торговых фирм, среди которых Санкт-Петербургские братья Чаплины (Чаплыгины), московские Алексея Куманина сыновья, вологодский Иван Колесов, вельский (потом нерчинский) Федор Зензинов, тульский Денис Сумкин, казанские Леонтия Крупенникова сыновья, Платон Фирсов, Хасан и Мухамет Апанасовы, арский Муса Усманов, тобольский Николай Пиленков, семипалатинский Степан Попов, енисейский Александр Кобычев, иркутские Никанор, Филипп, Константин Трапезниковы, Иван и Прокопий Медведниковы и другие. Иностранцы купцы вершили чайные дела в Кяхте через своих комиссионеров, или «компаньонов торгующего на Кяхте купечества», постоянно проживавших в этой торговой слободе. Комиссионерами Трапезниковых были Николай Сиднев и Василий Сабашников, чай для Чаплиных (Чаплыгиных), Куманиных, Мичуриных закупал Николай Игумнов, для Апанасовых Никита Наквасин, для Налетова и Утямышева Николай Стрижев, Александр Кузнецов был комиссионером тульского купца Дениса Сумкина, тобольских купцов Михаила Семенова и Агрофены Пиленковой, семипалатинского Степана Попова, енисейского Александра Кобычева и московской купчихи Любви Красноглазовой. Для других фирм закупки вели Николай Сиднев, Константин Чеботаев, Гаврило Игумнов, Иван Спешилов, Семен и Гаврило Кузнецовы, Платон Фирсов, Николай Боткин, Дмитрий Прокопьев и другие комиссионеры.

После нескольких десятилетий безраздельного господства на китайском рынке российского капитала постепенно стала возрастать роль сибиряков. В 1768 году образовалось шесть торговых компаний: Московская (сукно, плис, меха бобров и выдр), Тульская (мерлушка, кошачья шкурка), Архангельская и Вологодская (северорусские и скандинавские меха), Казанская (юфть, кожи), Тобольская (мерлушка, юфть и сибирская пушнина). В 1800 году казанские купцы уступили место в этой шестерке еще одной сибирской компании – Иркутской. К 1804 году доля сибирских купцов в общем обороте российско-китайской торговли в Кяхте составила 65,3 процента.

В период с 1807 по 1885 годы оптовую торговлю могли вести только купцы первой гильдии, что, естественно, отстраняло многих сибирских купцов от этой торговли и создавало более благоприятные условия для европейцев, имевших более солидные капиталы. Поэтому из всех торговавших в Кяхте только каждый пятый к концу двадцатых годов 19 века был сибиряком. Но российские купцы редко сами выезжали в Забайкалье; они в основном вели дела через своих приказчиков или комиссионеров, которыми становились либо иркутские купцы, либо

сибирские купцы, осевшие на постоянное жительство в Кяхте. В 30-е годы 19 века из шестидесяти купцов, торговавших в Кяхте, десять управляли лично, девять действовали через приказчиков, остальные – через комиссионеров-посредников.

К середине 19 века роль сибирских купцов в торговле России с Китаем заметно изменилась. Их доля в общем товарообороте кяхтинской торговли за десятилетие, с 1841 по 1851 годы, выросла с 40,1 процента до 67,2 процента, а количество сибирских купцов, ведущих торговлю в Кяхте, возросло почти вдвое, с 31 до 55.

В Троицкосавске с 1825 по 1851 годы население выросло вдвое, до 5802 человек. Росту и развитию города способствовало развитие пограничной торговли через Кяхту. Значительная часть людей, обслуживающих эту торговлю (возчики, грузчики, ширельщики, сапожники, ремесленники) жили в Троицкосавске, так как доступ на постоянное место жительства в Кяхту был ограничен. В самой же Кяхте в 1851 году было 32 дома с пристройками, 72 лавки в каменном гостином дворе и 594 человека населения. Забайкальский юрист, хорошо знавший Кяхту второй половины 19 века, В.В.Птицын, пользуясь данными 26 фонда купеческого архива на 1856 год, дал такие данные: «... домохозяев с семьями 84 человека, домов 22 на сумму 56880 руб. сер., флигелей при домах 31, скота и лошадей у хозяев 216 штук и прислуги... 211 человек». Преобладали деревянные дома, но все они были «просторные и хорошей постройки». Купцы имели свой клуб, сады, музыкантов, хор и жили «на широкую ногу». Не случайно декабрист Н.А.Бестужев окрестил слободу «Забалуй-городком». Тоже ссыльный, в последующем редактор «Восточного обозрения», зять купца А.М.Лушников И.И.Попов писал о Кяхте: «...были только дома миллионеров или тех, кто служил им... не было нищих, да и не могло их быть. Потому что они внесли бы в жизнь богачей огромный диссонанс... насчитывалось до 20 торговых домов-фирм, да двое богачей имели резиденции в Троицкосавске. Всего усадеб в Кяхте, считая, в том числе, гостиный двор, сбор, пожарное дело, ветеринарную станцию, аптеку, дома двух врачей и пограничного комиссара, общественное собрание, два-три дома служащих, - было 35-40. Все они были расположены на широкой улице, посредине которой проходил бульвар, упирившийся в общественный сад».

Торговая слобода стала поселком миллионеров. Двадцать-тридцать семей жили, имея все или почти все, что по меркам 19 века составляло благосостояние богатых. «Каждая усадьба состояла из нескольких домов с амбарами, конюшнями и напоминала усадьбы русских помещиков», – так вспоминал о Кяхте известный ученый и путешественник В.А.Обручев. Дома обычно были либо деревянные, либо полукаменные, с каменным низом и деревянным низом. Купцы были людьми житейски мудрыми и предпочитали деревянные жилые строения, сухие, теплые и «дышащие».

Кяхтинцы любили устроенную жизнь, хоть и сетовали иногда на неудобный выбор местности для устройства торговой слободы. Полагают, что Савва Рагузинский выбрал столь неудобное местечко, потому что все близлежащие реки имеют противоположное Кяхте течение, текут в сторону российской территории. Поэтому выбор объясняется только целями безопасности.

Судя по отношениям, которые сложились между жителями пограничных населенных пунктов российской территории и жителями китайского Маймачена, опасность эта сильно преувеличена. Дружеские или близкие к ним отношения диктовались, прежде всего, экономическими интересами российских и китайских купцов. Получают кяхтинские купцы товары от доверителей, серебро и золото, а потом все это и явно, и тайно, переходит в руки сметливых китайцев, которые, принимая у себя в Маймачене, накормят гостей многочисленными и разнообразными яствами с теплой водкой мыйголо и сами при таком торжественном случае хватят через край. Многие бывавшие на таких обедах, считали, что китайцы и здесь перещеголяли русских. Но они тут же приходили к выводу, что если у русских помимо Маймачена были дела, то у маймачинцев без русских не было никаких дел.

Меновой характер торговли, создававший большие проблемы при уплате пошлин, при оценке товаров, при расчетах, и вызывавший серьезные разногласия, споры, распри с китайскими посредниками, требовал от российских купцов знания специфики данной торговли, изучения страны, национальных особенностей китайцев, знания языка, приобретения серьезного торгового опыта. Поэтому сибиряки, осевшие в Кяхте, имели не только большие капиталы, но и широкий кругозор, а некоторые и почти энциклопедические знания о соседней стране. Кяхтинские купцы открыли специальное училище для будущих коммерсантов по изучению китайского языка, а Степан Михайлович Немчинов приложил немало усилий для составления русско-китайского словаря. Но у самих русских и китайских купцов выработался своеобразный язык общения, достаточно легко воспринимаемый странами, но, тем не менее, активной стороной в выработке такого языка была все-таки китайская сторона. Дмитрий Стахеев приводит пример, когда в ответ на вопрос «Почему вы так скверно по-русски говорите?» китаец с упреком ответил, что китайцы, хоть и плохо, но все же говорят, а русские, имея несколько десятков лет китайское училище, не выучились ни говорить, ни писать. Китаец же правительство просто не пустило бы в Кяхту, если бы он предвзительно не выдержал в Калгане «курсе изуродованного кяхтинского наречия». Обступая нового человека, они засыпали его вопросами: «Когда плишоло? Тибиди сама хозяйин, или пыркаши? Сердиза не надо, нама только спрашива... После торгова буду...»

Знатоки Кяхты, свидетели ее расцвета и заката, Дм.Стахеев, И.А.Носков, И.И.Попов, И.В.Багашев, Е.Д.Петряев в разные времена давали точные и интересные характеристики городку и его обитателям. Вспоминая кяхтинскую таможеню, Стахеев писал: «Сколько тут нажилось директоров, давно окончивших уже свое земное странствие; сколько, наконец, перемен в ходе торговли пережил этот мрачный, высокий замок, и остался он теперь один, забытый, брошенный, как памятник прошлого беззакония, который до сих пор еще режет многим глаза. Теперь мимо него тянутся обозы, поскрипывая своими колесами, – и бурят, в воронкообразной шапке, спокойно смотрит на него, припоминая с усмешкой о том, как когда-то дрожал он, пробираясь с контрабандным чаем позади этого здания».

Более близкое знакомство с кяхтинцами, в том числе с выходцами из Тобольской губернии, дает основание усомниться в некоторых выводах Ивана Ивановича Попова. Например, в его утверждении о том, что «большинство из них к «золотому делу» относились брезгливо, считая прииски неблагородным делом». Уроженец Тары Яков Андреевич Немчинов (1811-1894), который большую часть своей жизни прожил в Кяхте, основные капиталы заработал на добыче золота и на поставках на прииски.

Не брезговал «золотым делом» и тесть юриста Птицына Николай Лукич Молчанов, который, после того, как прогнал его Немчинов, «закопал» весь капитал в Нерчинском крае, но после этих неудач он и его наследники оставались владельцами нескольких приисков в Забайкалье. Золотом занимались Нерпины, Осокины, Корухины, Титовы, Синицыны и другие кяхтинцы. Впрочем, наиболее убедительно звучит вывод самого Птицына: «...добыча золота, золотопромышленность, любимейший, а и действительно увлекательный, полный борьбы, надежд, неизвестности и благородного риска промысел сибиряков, как богатого, так и бедного».

Важно в данном случае отметить, что заниматься золотопромышленностью кяхтинцы смогли тогда, когда были сделаны первоначальные накопления, и, когда ввоз кантонских чаев морем, нанес сокрушительный удар по торговому значению Кяхты.

Некоторые детали особых, в высшей степени неприязненных отношений между семьями Молчановых и Немчиновых, составлявшие исключение в Кяхте, похоже, также остались неизвестными И.И.Попову. Зная о Немчиновых более со слов своего тестя, А.М.Лушников, Попов и сам мог быть не совсем объективным к Якову Андреевичу и Андрею Яковлевичу. Были в этих отношениях причины личного свойства: Веру Алексеену после окончания гимназии по возвращении в Кяхту сватал Андрей Яковлевич, но безуспешно; Вера Алексеевна вышла замуж за Попова. Поскольку мы не можем, давая характеристику чаеоторговцам, оставить без внимания самого богатого кяхтинца Я.А.Немчинова,

приведем высказывание о нем Попова: «Я лично почти не знал его; видел его раз. Но и по первому впечатлению можно было сказать, что Яков Андреевич был человек недожиданного ума».

Путь в купечество Немчиновых достаточно интересен для исследователей, прежде всего потому, что Я.А. удалось из простых мещан стать, как отмечали современники, «признанным торговым гением», самым богатым человеком Сибири. Его троюродный брат, Михаил Федорович, и вовсе был сыном отставного казака, крестьянствовавшего в д.Самсоновой, что в семи верстах от Тары. Но переезд в чайную столицу сделал его состоятельным человеком.

Генеалогия Немчиновых, к сожалению, изучена слабо. Хотя первые попытки составления генеалогических сводок уже предпринимались. Есть предположения, что сама фамилия «Немчинов» берет начало от слова «немчин», которым называли на Руси всякого говорящего нелепо, непонятно, иностранца, необязательно немца. Как предполагает В.В.Цофка (МГУ, Москва), предки подмосковных Немчиновых вышли из Скандинавии и из Новгорода распространились по всей Руси. Поселение Немчиновка возникло в Одинцовском районе под Москвой.

В Таре эта фамилия появилась в начале 17 века. Одним из первых тарских Немчиновых был природный Адам Иванов, служивший конным казаком «литовского списка». В таможенных книгах Тары встречаются имена Семена и Степана Гавриловичей Немчиновых, находившихся в 1651-1655 годах на службе в тобольском Софийском доме, Любимко Немчинова, тарского конного казака, служившего в 1698 году в черкасской конной сотне И.Шатова. Тарский полковник Иван Немчинов возмутил местный гарнизон в 1722 году, когда почти все жители города отказались принять присягу по петровскому указу о престолонаследии. Позже, в 30-е годы 18 века, целовальника Степана Немчинова и тарского воеводу Ивана Немчинова наказывали за лихоимство при сборе ясака. Никто из дедов или отцов кяхтинских купцов Немчиновых не поднялся до уровня гильдейского купечества. Это удалось тем, кто, покинув Тару, обосновался в Кяхте. В первые годы Я.А.Немчинов служил у купцов Колесова, Наквасина, Лебедева. Декабрист Бестужев писал о том, что он прошел путь от горничного мальчика до богача, ведущего огромное дело.

Современники к нему относились неоднозначно: одни боготворили, другие сторонились, третьи, как, например, Н.Л.Молчанов, были во вражде. Но не было таких, кто бы отрицал его коммерческий талант. Правда, писавшие о Немчинове плохо знали о его благотворительной деятельности. Попов, например, писал о том, что он не отличался особой благотворительностью, что не соответствует истине. Немчинов не давал зря, он и здесь поступал осмотрительно и расчетливо. Например, помогая церквям, монастырям, даже городам, старался давать деньги не наличными, а делал вклады на их имя в банки. Они могли пользоваться,

как и его многочисленные наследники, только процентами от этих вкладов. В заметке, посвященной 25-летию кяхтинской гимназии, «Восточное обозрение» (1887, № 29) писало о том, что средства на содержание гимназии увеличиваются потому, что всегда находятся люди, «которые, подобно Якову Андреевичу Немчинову, известному сочувствием всякому благому делу, а делу просвещения, в особенности, всегда отзовутся...». Впрочем, благотворительная деятельность Немчиновых заслуживает отдельного разговора, а рассуждения о ней походя, могут выглядеть кощунством.

Ряд исследователей сибирской истории (Г.Х.Рабинович и др.) относили Я.А. к крупнейшим сибирским ростовщикам, под огромные проценты ссужавший мелких золотопромышленников. Но, по всему видно, что состав должников либо изучался поверхностно, либо вообще не изучался. Анализ состава должников на 1894 год показывает, что большая их часть – это либо родственники, либо компаньоны Немчиновых. Тем более что ко дню смерти, как Якова Андреевича, так и его основного наследника Андрея Яковлевича, более восьмидесяти должников долги не выплатили или выплатили частично, не говоря уже о выплате процентов.

Таким образом, мои попытки выявить черты характера, чисто человеческие и деловые качества Я.А.Немчинова, привели к выводам, в значительной степени расходящимся с общепринятыми.

Судя по содержанию материалов, сохранивших хоть что-то о личности А.Я.Немчинова, можно заключить, что самому богатому человеку Сибири не повезло с наследником. Капиталы, ему оставшиеся, утекли, как песок сквозь пальцы. Свой старания тут приложила всесильная российская бюрократия, обкладывая двойным и тройным налогом наследуемые суммы. Легко и расточительно обращался с деньгами сам Андрей Яковлевич. Тяготая к технике и искусству, он все же всерьез делами не занимался. В Кяхте много говорили о его странностях. На даче в Усть-Киране, на Ямаровских водах, он одевался привидением. Надевал медвежью шкуру и пугал гуляющих. Однажды, возвращаясь с минеральных вод, уговорил ямщика не тормозить при спуске с хребта Капсаль. Обещал ему избу и сто рублей денег. Чуть не изувечивший себя, седока и лошадей, понявший какой опасности подвергнулся, ямщик не хотел брать денег. Но деньги ему были честно выплачены. Иногда ездил А.Я. в Европу, где сорил деньгами. Современники сетовали на то, что пришедшее на смену старшим новое поколение кяхтинских купцов 19 века даже по наружному виду гнилое и тихое, разряженное и примаженное, не имело особых талантов и способностей, предприимчивости, самостоятельности и активности, присущей их дедам и родителям.

Колоритной была фигура кяхтинского чаеоторговца, купца первой гильдии Николая Лукича Молчанова (1829-1904). Его отец, Лука

Тимофеевич (р. 1787), с 1825 года перешел в первогильдейские купцы. Считают, что дела его шли весьма успешно, но в 1848 году мы находим Молчанова в списках купцов третьей гильдии. Вероятно, ухудшение дел престарелого отца и привело Лукича к преуспевавшему Я.А.Немчинову, у которого он начинал мальчиком на побегушках. Чистил ему сапоги, выносил зуботычины, плевки, оплеухи... Все перетерпел, чтобы дойти «до делов». Сделал его Немчинов младшим приказчиком, потом старшим, доверенным, пакгаузным уполномоченным. В итоге стал Лукич «когтем», главным приказчиком, водящим от хозяина чайные обозы. Не сразу увидел Немчинов, что Молчанов у него «шибко через меру попользовался». Но донесли приказчики, потому что «один все наживал, другим приказчикам не давал» и дело было расследовано. Немчинов с шумом прогнал Молчанова. Некоторые полагали, что конфликт возник из-за общественного водопровода, которым будто бы неправильно пользовался Немчинов. Однако истоки той вражды, которая впоследствии связывала не только самих стариков, но их семьи, были глубже. Они, если так можно сказать, носили нравственно-экономический характер.

Н.Л.Молчанов – наиболее типичная фигура среди кяхтинских купцов, отличавшихся независимостью, некоторым высокомерием по отношению к чиновникам. Кяхтинское купечество вообще может служить почти классическим примером исключительности. Не случайно томские купцы, в каждом из которых «чувствовались самостоятельность, сознание собственного достоинства», которые «жили и говорили свободнее, чем в Петербурге», отзывались об иркутских почтительно («совсем европейцы»), о кяхтинцах же с особым значением: «а про Кяхту и говорить не приходится, там купцы-англичане...». Молчанов каждый день совершал прогулки по шоссе между торговой слободой и Троицкосавском. Не изменял привычке ни при какой погоде, ни при каком торжестве. Такое постоянство, граничащее с упрямством, сочеталось с чрезвычайным хладнокровием. Молчанов не терялся ни при каких обстоятельствах, что всегда доказывал при охоте на медведей. От всей его сущности высочайшей фигуры «веяло силой и неуступчивостью». Пренебрежительно относился к чиновникам, он почти всегда ссорился с губернаторами: Иляшевичем, Горемыкиным, Корфом. Ему доставляло удовольствие «утереть нос губернаторишке». Говорили, что он даже пытался вызвать Иляшевича на дуэль, но тот не ответил. А Молчанов уверял, что только так и надо вести себя с властью имущими, «а то оседлают и поедут». А при встрече Н.М.Пржевальского, услышав, как он восхваляет государя, оборвал его, сказав: «Здесь можно попроще и поближе к истине... А то, право, уши вянут!» Получив однажды за карточным столом телеграмму, невозмутимо прочитал ее и спрятал в карман. После узнали, что на порогах Ангары разбило две его баржи, а чай из-за опасности плавания страховые компании не захотели страховать.

После того, как Немчинов его прогнал, Н.Л.Молчанов занимался золотом, менял ситцы на скот, выручал «за копейку рубль» продавая монголам золоченые бордюры, и уже потом открыл собственную оптовую торговлю чаем. По своему состоянию Лукич уступал лишь Я.А.Немчинову и А.В.Швецову.

На основе данных, опубликованных в специально заведенном купечеством «Кяхтинском листке», можно составить представление о чаеоторговцах, оборотах отдельных фирм, деятельности российских коммерсантов в Китае и Монголии. Такая аналитическая задача автором не ставилась, но для знакомства с фирмами можно обратиться к «Сведениям об отпуске из Кяхты байховых и кирпичных чаев...» По данным на 1892 год крупнейшими покупателями были 26 торговых фирм: ТД Петра Боткина сыновья, Яков Андреевич Немчинов, Николай Лукич Молчанов, ТД Коковин и Басов, Алексей Михайлович Лушников, Николай Петрович Голдобин, Федор Федорович Прорубников, Михаил Федорович Пятков, ТД Собенников и братья Молчановы, Семен Андреевич Сибиряков, Алексей Васильевич Швецов, Иван Николаевич Сердюков, Иван Федорович Токмаков, Михаил Алексеевич Перевалов, Василий Федотович Колыгин, Татьяна Федоровна Грибушина, Михаил Иванович Корзухин, Иннокентий Дмитриевич Синицын, Матвей Васильевич Шишмаков, ТД Д. и А.Расторгуевых, Михаил Онуфриевич Осокин, Яков Максимович Пятовский, Михаил Андреевич Хаминов, Василий Иванович Матренинский, Ольга Ивановна Казанцева.

В сводках таможи байховый разделен на цветочный, торговый и зеленый, кирпичный на обыкновенный, черный, плиточный и поленообразный. Документ содержит сведения о том, когда, кому, в каких объемах, какого вида и куда был отпущен чай. Например, 6 февраля В.Ф.Колыгину было отпущено в Иркутск 273 ящика кирпичного чая, а 12 декабря М.Ф.Пяткову для продажи на Нижегородской ярмарке было отправлено 450 мест торгового чая. Имеются помесечные подсчеты о вывозе чаев. Наибольшие объемы вывозки произведены в месяцы «дорожной устойчивости».

Для более близкого знакомства с представителями чайного бизнеса этого периода предлагаю краткую информацию о В.Ф.Колыгине, М.И.Корзухине, М.О.Осокине, М.Ф.Пяткове. Эти купцы выбраны не случайно. Их объединяют и деловые контакты и, что, может быть, имело еще больший вес, все они зятевья самого богатого кяхтинца Я.А.Немчинова. Колыгин из Иркутска, Пятков из Тары, остальные – кяхтинские купцы.

Василий Федотович Колыгин (1946-1903) записывался в первую гильдию не только по Иркутску, но и по Шуе. Был женат на Христине Яковлевне (р. 1854). Вероятно, это многое определило в начале его предпринимательской карьеры, так как все дочери кяхтинского

миллионера получали солидное приданое, а после смерти Якова Андреевича свою долю большей части наследства. В совокупности это составляло около миллиона Христина Яковлевна, в частности, получила 500 тысяч рублей приданого и такую же сумму унаследовала из огромного отцовского состояния после 1894 года. Семья Колыгиных унаследовала и присущие Немчиновым традиции благотворительности. В память о родителях и в знак благодарности за все, что они сделали для семьи, Колыгины с согласия Андрея Яковлевича Немчинова назвали основанную ими 23 октября 1896 года общину сестер милосердия Иаково-Александринской. День открытия, 23 октября, был выбран не случайно. Это день рождения Я.А.Немчинова. Колыгины вместе с А.Я.Немчиновым пожертвовали общине дом с обстановкой на ул. Котельниковской и внесли первоначальный взнос в 35 тысяч рублей для учебно-методического обеспечения занятий. 22 июля 1899 года они открыли ежедневно работающую в течение четырех часов амбулаторию, где вели прием 23 врача, а обучающиеся сестры могли проходить медицинскую практику. Колыгины решили вопрос об отпуске для амбулатории лекарств аптеками Иркутска с большой скидкой. 30 мая 1915 года общиной было отправлено на первую мировую войну шестьдесят сестер милосердия. Супруги Колыгины устраивали новогодние елки с подарками в иркутском детском приюте имени государыни императрицы Марии Федоровны (1893), жертвовали средства на строительство театра (1890 год – 2 тыс. руб., 1896 год – 500 руб.), на создание в Иркутске Дома трудолюбия (1898), в пользу общества вспомоществования учащимся в Петербурге сибирякам, общества земледельческих колоний и ремесленных приютов Иркутска. В.Ф.Колыгин активно участвовал в общественной жизни Иркутска: был гласным городской думы, в 1894 году баллотировался на должность городского головы. Жителям Иркутска хорошо знаком серый дом на ул. К.Маркса (бывшей Большой), построенный Колыгиным после пожара 1879 года по проекту архитектора В.А.Кудельского. На усадьбе размещались склады и жилые дома служащих. Основное здание до революции арендовалось различными общественными организациями: обществом приказчиков, обществом потребителей-служащих и рабочих Забайкальской железной дороги и другим. В последующем он более известен как Дом офицеров. Флигель был перестроен под Дом бракосочетания. 29 мая 1909 года при доме Колыгиных был открыт летний сад «Фантазия» и в театре сада ставились различные комедии.

В.Ф.Колыгин был участником «Бодайбинской компании», составленной Немчиновыми и их ближайшими родственниками. Пока трудно судить о том, какое место в его коммерческих делах отводилось чайной торговле. В 1892 году ему лишь раз был отпущен чай из Кяхты. Другим же чай отпускался от двух до одиннадцати раз.

Михаил Иванович Корзухин (р. 1835) – кяхтинский купец первой гильдии, поскольку был женат на Александре Яковлевне Немчиновой, третьей по возрасту (р. 1843) дочери самого богатого человека Сибири, также был участником «Бодайбинской компании», но, тем не менее, как считает А.С.Зуев (Новосибирск), оптовая торговля чаем была главной сферой его предпринимательской деятельности. По данным на 1892 год через Иркутскую таможенную только в феврале за четыре раза прошло свыше четырехсот мест байхового чая, предназначенного к продаже на главной ярмарке страны в Нижнем Новгороде. Купцы были требовательны к качеству поставляемого ими чая. На таможенном складе Иркутска в 1899-1900 гг. переборку подмоченных чаев производили по прошениюм доверенных И.Д.Синицына, Н.Л.Молчанова, А.В.Швецова, наследников М.О.Осокина, М.Ф.Пяткова. Есть в списках подававших прошение в таможенную книгу доверенного М.И.Корзухина Гаврилы Тыркова. Судя по содержанию архивных документов, достаточно обоснованно выглядит тезис Зуева о банкротстве Корзухина к 1903 году. Управляющий Кяхтинской таможней коллежский советник Антон Францевич Губаревич-Радобильский, один из лучших российских исследователей чайной торговли, автор книги «Чай и чайная монополия» (СПб., 1908), сообщил в канцелярию Е.В.Бельского, присяжного поверенного при Читинском окружном суде, «о найме дома Корзухина под помещения Кяхтинской таможни» на ранее оговоренных условиях на два года с 1 января 1904 года.

Михаил Онуфриевич Осокин (1834-99) был отнесен историками семидесятых-восьмидесятых годов к той небольшой группе купцов-первогильдейцев, в руках которых сосредоточилась кяхтинская внешняя торговля, имевшая, по их мнению, «пережиточные черты монополии феодального типа». Все мелкие купцы находились в зависимости от таких оптовиков, как Немчинов, Швецов, Молчанов, Лушников, Осокин, «играя фактически роль их агентов». М.О.Осокина также относили к основателям богатых кяхтинских родов, начинавших с чайной торговли, но впоследствии значительно расширивших сферу капиталистического предпринимательства. Осокин принадлежал к группе наиболее просвещенных кяхтинцев. Он участвовал в издании «Кяхтинского листка», внес крупный книжный вклад в публичную библиотеку. Одного из шестерых его детей, сына Георгия Михайловича (1860-1914), выделяли из среды избалованных сверстников, как духовно богатого, творческого человека, ученого-этнографа, литератора и музыканта. Известный краевед Забайкалья Е.Д.Петряев считал, что младший Осокин представлял «яркую противоположность большинству купеческих сынков». Его кадрили «Кяхтинские вечера» пользовались большой популярностью, а книги, дошедшие до наших времен, содержат богатейший материал по этнографии Западного Забайкалья.

М.О.Осокин окончил Иркутское уездное училище, а в 1850 году училище китайского языка в Троицкосавске. За знание китайского языка он был на всю жизнь избавлен от рекрутской повинности и службы «по выбору». Уже одно только это давало на старте огромные преимущества начинающим предпринимателям. Женившись на Вере Яковлевне Немчиновой (р. 1840), старшей дочери Якова Андреевича и Александры Григорьевны Немчиновых, он значительно приумножил эти преимущества. Большое чайное дело (Осокин был комиссионером более десяти крупных фирм) побудило к заведению пароходства. В 80-е годы 19 века М.О.Осокин уже являлся одним из основных пайщиков «Кяхтинского пароходства», которое давало ему около 200 тысяч рублей серебром чистой прибыли на каждый вложенный в дело миллион. Судьба пароходства, перевозившего грузы по Селенге и Байкалу, многосложна. После смерти, всегда поддерживавшего Михаила Онуфриевича, Я.А.Немчинов, увлекшийся техникой, купил пароходство за 650 тысяч рублей. К тому времени оно имело шесть пароходов и восемнадцать барж. А.Я.Немчинов хотел его модернизировать и расширить. Но его хватило лишь на то, чтобы выстроить и пустить из Мысовской 27 ноября 1894 года в плавание по Байкалу пароход «Яков» (названный в честь отца). Возможно, ему не хватило той увлеченности делами, какая была присуща отцу, помешали другие увлечения (Андрей Яковлевич по воспоминаниям современников вел разгульный образ жизни, «сорил деньгами»), могли помешать бюрократические препоны, которых в то время также хватало. Немчинова обязывали выстроить вблизи своей пристани караульный дом для надсмотрщика, чиновников инвалидной команды и вестового казака, и содержать его. Выстроенный из местных материалов, «изделий разных русских фабрик и заводов» пароход со стосильной английской машиной подлежал таможенному осмотру. Немчинов для того, чтобы облегчить условия эксплуатации парохода, вынужден был приглашать технических экспертов за свой счет, обращаться в таможенный департамент в Санкт-Петербурге.

В 1905 году для монополизации провоза грузов по Селенге, Ангаре и Байкалу купцы М.А.Коковин и И.Н.Черных учредили товарищество на вере под названием «Товарищество Байкальского пароходства и торговли» с основным капиталом 150 тысяч рублей, разделенным на десять паев. Товарищество взяло в аренду пароходство наследников А.Я.Немчинова, умершего в 1900 году. В 1911 году И.М.Коковин стал полновластным хозяином четырнадцати пароходов, двадцати барж грузоподъемностью 250 тысяч пудов. Пароходство имело пристани, мастерские дома, склады, пароходные агентства в Иркутске, Верхнеудинске, Троицкосавске и главную контору в с.Лиственичном.

М.О.Осокин был хорошо известен своей активной общественной деятельностью. Он неоднократно избирался старшиной торгующего в

Кяхте купечества, был городским головой Троицкосавска, директором Николаевского приюта. За пожертвования в пользу последнего был награжден золотой медалью на станиславской ленте. Был почетным блюстителем Троицкосавского уездного училища, вносил на его содержание ежегодно не менее двухсот рублей. В 1863-1873 годах Осокин был старостой кяхтинской Воскресенской церкви. Один из иконостасов был вызолочен на пожертвованные им 1500 рублей. Им также вносились пожертвования другим церквям. В частности, он был благословлен Синодом за пожертвование колокола церкви Российской духовной миссии в Пекине. Отмечая его активную общественную деятельность «Восточное обозрение» писало, что пока в Кяхте есть такие деятели, как М.О.Осокин, «город будет двигаться вперед». Потомки Осокиных, как и не менее известный в Кяхте Иннокентий Дмитриевич Синицын, свояк Михаила Онуфриевича, разъехавшись по миру, унесли с собой тайну исчезновения немчиновских капиталов.

Михаил Федорович Пятков (1840-1900) – тарский купец первой гильдии, был женат на Елизавете Яковлевне Немчиновой. Елизавета Яковлевна (р. 1853) была единственной из десяти дочерей, вышедшей замуж и жившей на родине отца. Братья Пятковы в конце 19 века курировали практически всю торговлю северо-восточной части Тобольской губернии. Им удалось замкнуть многие свои предпринимательские проекты в единый торгово-промышленный комплекс: они имели свои парохолства, стекольный завод, перерабатывающие предприятия. Их предки еще в 17 веке вели поставки собственной выделки юфти к китайской границе. Отца Михаила Федоровича, Федора Ивановича, современники относили к тем авторитетам в деловой и общественной жизни города, с мнением которых вынуждены были считаться все. Отец знаменитого сибирского купца-библиофила Г.В.Юдина, Василий Сергеевич, служивший в конце 1830 годов управляющим Екатеринбургского винокуренного завода под Тарой, сообщал в Иркутск брату, Алексею Сергеевичу, о том, что в городские старосты избран близкий им человек, и что сделано это «по влиянию Федора Ивановича на общество и по особенному его к батюшке расположению».

Ведя торговлю разнообразными товарами в Таре, Тюмени, Тобольске, Семипалатинске, Верном, М.Ф.Пятков имел чайный магазин в Барнауле с годовым оборотом в двадцать-тридцать тысяч рублей. По количеству закупленных в Китае партий чая в конце 1890 годов он опережал многие известные фирмы. Только за 1892 год он вывез из Китая 2244 места чая. В делах ему, естественно, помогало родство с Немчиновыми. Впрочем, практически вся купеческая верхушка Тары была связана родственными узами. Так, брат Михаила Федоровича Андрей Федорович Пятков (1844-91) был женат на Анфисе Васильевне, в

девичестве Серебренниковой, старшей дочери тарского купца второй гильдии В.И.Серебренникова и младшей сестры Я.А.Немчинова Прасковьи Андреевны. Оба брата, как и В.И.Серебренников, всемерно содействовали делам Немчиновых в Тобольской губернии. Они же курировали все вопросы, связанные с обширной благотворительной деятельностью Якова Андреевича в родном городе, до конца своих дней материально поддерживали учрежденные Немчиновыми благотворительные заведения в Таре. Следуя заветам отца, Елизавета Яковлевна Пяткова, после смерти мужа перебравшаяся к дочерям в Омск, с их согласия подарила в 1913 году г.Таре трехэтажный каменный дом, первое на территории современной Омской области частное каменное здание, когда-то приобретенное Пятковыми у наследников миллионера И.Ф.Нерпина, а также все надворные постройки с многочисленными службами под городскую больницу. Передав представителям городской думы свое решение, Е.Я.Пяткова поставила условие, чтобы здания использовались только под больницу и связанные с ней учреждения (аптеку, амбулатории, родильный покой, квартиру для медперсонала), и чтобы город «ни в коем случае не устраивал ни в доме с постройками, ни на всем пространстве владения никаких других предприятий и учреждений». Благодарная дума вынесла вердикт: заказать два портрета жертвовательницы и поместить их в зале заседаний думы и в пожертвованном доме.

Таким представляется облик нескольких крупных чаоторговцев.

Бакалейная торговля в крупных городах Сибири составляла в 19 веке до четверти всего торгового оборота, и занимала второе место после торговли мануфактурой в основном за счет торговли чаем. К концу века ее доля стала уменьшаться в связи с перевозкой чая морем. Крупные чаоторговцы стали появляться в Томске, Тюмени, Тобольске, Таре. В 30-е годы 19 века в Томске Г.И.Елисеев быстро из купцов третьей гильдии переходит в первую гильдию и становится одним из богатейших людей города. В 1851 году тюменский крестьянин И.В.Кокшаров доставил ему 1476 пудов 5 фунтов кяхтинского чая в 512 местах из Томска в Тюмень с платой по сорок копеек серебром с пуда. Это была партия чаев среднего размера. Томский исследователь В.П.Бойко находил в «Книге для записей торговых договоров и контрактов» томского нотариуса регистрацию партий в несколько тысяч пудов. Он полагает, что по этим документам «можно восстановить основные вехи предпринимательской карьеры некоторых крупных российских чаоторговцев».

Бакалейные торговцы держали свои артели совошников. Так, в Томске у Голдобина, Швецова, Боткина и Малых было пятнадцать-семнадцать совошниковых, у Губина, Озорнина, Нечаева, Пушникова – по шесть-девять. Объемы торговых операций таких фирм, как иркутская «Коквин и Басов», кяхтинские А.М.Лушников, Н.Л.Молчанов только в

Томске достигали 180-200 тысяч рублей, а прибыль составляла семь-восемь тысяч рублей. При дополнении чайной торговли торговлей сахаром, конфетами и прочими сладостями, обороты фирм «Кузнецов и К» достигали 800 тысяч рублей, А.В.Швецова 400 тысяч рублей, Я.А.Немчинова 200 тысяч рублей, и прибылью, естественно, 28, 16 и 8 тысяч рублей.

Чай пили. И он приносил огромные доходы. Тюменский купец И.П.Колокольников считал чайную торговлю важнейшей статьей своих доходов. «Отменное качество китайского чая позволяло высоко держать марку Колокольникова». Вологодский купец Колесов, томский Озорин, иркутский Колыгин, московский Орлов, тарские Пятковы, Щербаковы – все поднялись и озолотились, прежде всего, чайной торговлей. Оптовики стремились к созданию комфортных условий для собственной торговли, тесня мелких торговцев. В Таре в 1917 году по свидетельству четвертого разряда, для торговавших в помещениях без входа для покупателей и не превышавших размера в двадцать квадратных аршин, «запас чаю должен быть не более 10-ти кирпичей и фамильного не более 3 фунтов, а в самих помещениях не свыше 1/8 фунта».

Главное сибирское торжище, Ирбитская ярмарка, принимало огромные партии чая. Надо сказать, что ярмарка отражала уровень производительных сил России и изменение ситуации в российско-китайской торговле. В середине прошлого столетия с Ирбитской ярмарки исчезли китайские и среднеазиатские ткани, их заменили русские ситцы. Это был настоящий переворот в ярмарочной торговле. Дешевые отечественные ткани хлынули через Нижний Новгород и Ирбит в Китай. Четверть же всех китайских товаров на ярмарке занял чай. Стоимость чая в 1893 году составила 12,2 процента от стоимости всех доставленных на ярмарку товаров. В последней трети 19 века самыми крупными торговцами чаем на Ирбитской ярмарке были несколько сибирских фирм. Тридцатым номером торгового корпуса под литерой «К» занимал кунгурский купец Антон Иванович Грибушин, по несколько номеров торгового корпуса под литерой «Н» было у кяхтинского купца Федора Федоровича Прорубникова. Под литерой «О» у томского купца Николая Петровича Голдобина, сразу шесть номеров у того же А.И.Грибушина, по четыре номера было у тюменского купца Алексея Васильевича Швецова, шесть номеров под той же литерой снимали сначала кунгурский миллионер Алексей Семенович Губкин, а потом ТД «Алексея Губкина наследник А.Кузнецов и К», по два номера было у тюменца Гаврилы Тимофеевича Молодых, кяхтинца Якова Андреевича Немчинова и тарчанина Федора Ивановича Щербакова, также два номера, но уже в пятом корпусе на Главной улице занимал ТД «Братья Чистяковы».

К ярмарке готовились задолго до открытия. За полмесяца начинали подходить подводы с товарами. Приезжали доверенные, а сами купцы

прибывали дня за два, за три. Что ни двор – крепость. Каждый двор забит лошадьми, верблюдами, составленные одни на другие сани закрывали дома. Тяжелые запоры ворот и днем были на замках, а на ночь и кагитка запиралась. Долго Ирбит волновал случай. Обоз из Кяхты из-за недостатка места на площади выгрузили во дворе. Штабель из цибикиков выложился. Нанял купец сторожа. Присмотрели воры, что тот днем поскачет возле цибикиков, а к полуночи его и не видно. У сторожа свои рассуждения: на улице мороз, пурга – кто в такую ночь сунется. Взобрался на штабель, завернулся в кошму, которой чай укрывали, согрелся и уснул. Проснулся – воры цибики грузят. Испугался до смерти и затаился. А воры подперли дверь оглоблей и кошму не забыли, из-за шума заторопились и потому сторожа не успели стяжком стукнуть. А помнят это в Ирбите, как редкий случай большой пропажи товаров, что редко случалось.

Желая побольше продать, кяхтинцы могли поставить в замешательство обывателей и рассмешить писателей. Так было с письмом кого-то из Немчиновых в одну из столичных газет. Это письмо легло в основу сюжета из «Хроники петербургского жителя» Н.А.Некрасова. Прочитав статью, в которой «г-н Некрасов объявил, что чай содержит в себе чистую кровь», петербуржцы «чуть не обмерли от страха», а, пораздумав, решили просить совета у специалистов: «Потрудитесь сделать милость – поразведать у ваших знакомых сочинителей и ученых, правду ли написал г. Немчинов...» Попытки Е.Д.Петряева приписать авторство данного письма А.Я.Немчинову, который «смолоду...писал в газетах», выглядят весьма неубедительно по одной причине – Андрей Яковлевич в 1844 году еще не родился.

Надо признать, что деятельность сибирских купцов-чаеоторговцев, заинтересованных в развитии деловых отношений с соседним Китаем и соблюдении своих интересов на российском рынке, пока изучена слабо. К сожалению, не все источники, представляющие интерес для исследователей, сохранились. В свое время В.В.Птицын, работавший с купеческим архивом Кяхты, сетовал на то, что в архиве были только дела с 1801 года, более ранние сгорели в пожаре 22 мая 1868 года. Само же помещение нового архива, холодный, сырой каменный чулан было «ниже всякой критики». Птицын писал по этому поводу: «Ящики с чаями пользуются в гостином дворе лучшим помещением, чем общественный архив». Нельзя не вспомнить иркутский пожар 1879 года, уничтоживший ценнейшие материалы по истории кяхтинской торговли. Наконец, сегодня проясняется печальная судьба личных архивов нескольких кяхтинских купцов, оказавшихся в бумагах И.В.Багашева, перевезенных перед смертью Г.В.Юдина в Красноярск, а впоследствии распяленных по трем десяткам архивов бывшего СССР.

В связи с этим для исследователей представляют интерес все сохранившиеся и еще выявляемые источники. Например, в последние

годы удалось ознакомиться с письмами агентов кяхтинского купечества в Китае и Монголии И.А.Нерпина, Н.Я.Иванова, П.А.Ковригина, с опубликованными в 19 веке брошюрами, статьями, докладами И.А.Носкова, с рукописными «Воспоминаниями о жизни» внучки кяхтинского купца М.Ф.Немчинова А.И.Егорьевой, которые любезно предоставила в мое распоряжение ее дочь, Анастасия Всеволодовна Егорьева. Эти материалы раскрывают события 100-150-летней давности, раздвигают рамки освещаемой в данной публикации темы до Москвы и Санкт-Петербурга, вносят новые штрихи в портреты отдельных участников чайной торговли, бывших жителей «Песчаной Венеции».

Часть 3. Конеч «Песчаной Венеции».

Сибиряки не изменились к чаю. Только, заметьте, на столе у нас чай индийский, цейлонский и любой другой – не китайский. Жизнь распорядилась по-своему. Все доказательства в пользу сухопутной торговли, выдвигаемые уроженцем Тары, кяхтинским купцом Иваном Андреевичем Носковым (1816-1876), остались не услышанными, а предложения по улучшению этой торговли не реализованными.

Есть города, в судьбе которых, как в капле воды, отразилось время. Таковой оказалась и Кяхта, чья история неотделима от истории всего нашего Отечества. Облагая каждое место чая особыми сборами, называемыми акцидентией, кяхтинские купцы собирали сотни и тысячи рублей. Расходовали их больше на пиры и приемы, но и обеспечивали жизнеспособность всех необходимых служб. Кяхта процветала. Шампанское лилось рекой. Вокруг царил веселье и довольство. Положение Кяхты на границе не одной, а нескольких культур – европейской, русской, китайской, монгольской, бурятской – превратило поселок богачей в единственный на всю Россию. Только если в Венецию плыли корабли с моря, то сюда в течение года шли корабли пустыни – верблюды. Всесильные законы экономики сделали свое дело. Железная дорога и доставка чая морем превратили Кяхту в «заглохший уголок». Именно так окрестил ее в начале нашего века поэт Я.И.Бабкин:

Увы, по ней как в дни былые,
Не мчатся пары воронье,
Нейдет навьюченный верблюд,
И, нагруженные чаями,
Телеги длинными рядами
С утра до ночи не ползут.

Великий чайный путь начинался в Северном Китае, в Калгане (Чжанцзякоу). Отсюда и из других китайских городов, налаживая по поручению кяхтинских купцов торговое партнерство с южными соседями, писал свои письма выходец из Тары Иван Алексеевич Нерпин. Перечитывая привезенные из поездки в Забайкалье копии этих писем, я

узнавал о тех препятствиях, которые с огромными усилиями преодолевали кяхтинские купцы. Они действовали настойчиво и не останавливались, если на их пути встречались временные неудачи. Они хорошо понимали выгодность предприятия.

В наше время отдельные участки чайного пути превратились в железнодорожные и автомобильные магистрали, другие заброшены и заросли бурьяном. Пришли в упадок старые торговые города, оставшиеся в стороне от новых дорог. Но осталась историческая память и надежда на то, что историки, наконец, дадут объективную оценку торгово-промышленной, общественной, культурной деятельности купечества, его вклада в развитие нашего Отечества.

Журнал «Югра» (Ханты-Мансийск). 2001. №6. С.с. 59-67; №7. С.с. 72 – 82.